

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМІИ.

II.

Духъ преобладаетъ надъ матеріей. —

Это, конечно, не значить, что матеріальная сторона не имѣетъ никакого значенія и можетъ быть оставлена въ пренебреженіи.

Представляя собою факторъ, усиливающій качество арміи; давая средства, облегчающія борьбу съ противникомъ; уравнивая до нѣкоторой степени шансы съ нимъ; увеличивая возможности сломить его сопротивленіе, *матеріальная сторона* тоже имѣетъ *громадное значеніе*.

Вслѣдствіе этого необходимо стремиться къ тому, что бы всѣ элементы *матеріальной* стороны были бы наиболѣе *совершенными* и вполне отвѣчали бы требованіямъ *современныхъ условій войны*.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что превосходство въ этомъ отношеніи противника *угнетающе* дѣйствуетъ на психику и на духъ арміи и потому сильно *понижаетъ* духовную сторону, нравственный элементъ.

Напротивъ того, сознаніе нашего превосходства надъ противникомъ во всѣхъ частностяхъ матеріальной стороны дѣйствуетъ на психику и духъ арміи *возбуждающе* и потому чрезвычайно *повышаетъ* нравственный элементъ.

Все это необходимо имѣть въ виду при установленіи *основъ воспитанія и образованія* отдѣльнаго бойца и цѣлыхъ войсковыхъ частей. *программы плана, системы и методовъ ихъ*, принимая во вниманіе первенствующее значеніе *воспитанія*, взаимную связь между воспитаніемъ и образованіемъ, послѣдовательность того и другого и *практическія цѣли*, преслѣдуемые обоими.

Высшимъ выразителемъ *матеріальной* стороны является *оружіе*, которое въ послѣднее время въ большинствѣ случаевъ имѣетъ характеръ *машины*, чрезвычайно по роду и виду разнообразной, обладаетъ страшной разрушительной силой, даетъ возможность въ короткій промежутокъ времени выводить изъ строя навсегда или на болѣе или менѣе продолжительный срокъ громадное количество людей. Въ общемъ современное оружіе весьма могущественно, но чрезвычайно сложно по своему устройству и требуетъ продолжительной и серьезной спеціальной подготовки для продуктивнаго пользованія имъ.

Источникомъ, сосредоточіемъ и проявителемъ *нравственной* стороны является *человѣкъ* со всѣми его физическими и духовными, положительными и отрицательными свойствами.

Разъ это такъ, то исходя изъ того, что духовная сторона, нравственный элементъ имѣеть большее значеніе, чѣмъ элементъ матеріальный, необходимо признать, что *человѣкъ* на войнѣ *главенствуетъ* надъ какимъ бы то ни было оружіемъ, ему принадлежитъ важнѣйшее значеніе, онъ *первенствуетъ* надъ *машиной*.

Однако, свойства современнаго оружія — машинъ на столько могущественны, что сопротивляться обладающему ими, казалось бы совершенно невозможно ни при какомъ характерѣ боевыхъ дѣйствій, ни при какой обстановкѣ.

Несомнѣнно, что всякое оружіе, и чѣмъ совершеннѣе тѣмъ больше, благодаря своимъ свойствамъ, въ рукахъ борющихся людей можетъ въ значительной степени *облегчить нападеніе и усилить сопротивленіе* и при томъ на столько, что въ обоихъ случаяхъ, вслѣдствіе именно его наличія, будетъ сломлено противодѣйствіе врага. Но во 1-хъ, по своей природѣ оружіе можетъ только усиливать и облегчать дѣйствія *человѣка*, само же оно, какъ бы совершенно и автоматически ни было, *дѣйствовать не можетъ*, а во 2-хъ, оно въ состояніи проявлять эти свои свойства въ полной мѣрѣ только тогда, когда въ боевыхъ дѣйствіяхъ, угрожающихъ смертью и угнетающе вліяющихъ на умъ и волю, воины *не теряютъ способность подавить въ себѣ чувство самосохраненія и сохранятъ сильный духъ и ясность сознанія*.

Если же этого не будетъ, то никакая машина имъ *не поможетъ* и прежде всего потому, что они не въ состояніи будутъ ею управлять, ее использовать, и она будетъ *бездѣйствовать*.

Такимъ образомъ, оружіе (машины) пріобрѣтаютъ значеніе только въ войскахъ, обладающихъ *высокими нравственными качествами*. Напротивъ, того, въ войскахъ, у которыхъ *духъ слабъ*, оружіе - машины не только не дадутъ положительныхъ результатовъ, но могутъ послужить лишь *легкими трофеями* для противника и привести даже къ *катастрофѣ*. Это потому именно, что нравственно слабая войска болѣе возлагаютъ надеждъ на машины, *а не на себя*; и когда, вслѣдствіе слабости ихъ духа, машины перестаютъ производить ожидаемый отъ нихъ эффектъ, то они обычно *бросаютъ ихъ и поддаются паникѣ*.

Такое положительное и отрицательное вліяніе оружія-машинъ, а значитъ и ихъ значеніе можетъ сказаться или въ различныхъ частяхъ армій, въ зависимости отъ разной высоты ихъ духовнаго элемента, или въ одной и той же части, когда онъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ измѣняетъ свое нравственное состояніе.

Исторія даетъ этому массу примѣровъ.

Поэтому съ одной стороны нельзя смотрѣть на оружіе-машину, какъ на нѣкую незыблемо-прочную и первичную основу, которая при всѣхъ обстоятельствахъ можетъ *обезпечить* всегда *боевой успѣхъ*, а съ другой стороны обязательно должно принимать всѣ мѣры къ тому, что бы непремѣнный участникъ боевыхъ дѣйствій, которыя безъ него не могутъ быть осуществлены, — *человѣкъ* былъ бы всегда на высотѣ съ точки зрѣнія *силы его духа*, въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова.

Въ общемъ, въ боевыхъ дѣйствіяхъ первенствующее значеніе принадлежитъ *человѣку*, а не *машинѣ (оружію)*, какъ бы она ни была могущественна и совершенна.

Справедливы поэтому слова знаменитаго военнаго ученаго генерала Генриха Антоновича Леера, который говорилъ, что *главнѣйшмъ орудіемъ на войнѣ является человекъ*.

Эти выводы и необходимо не упускать изъ виду при *организациіи арміи*, при *снаряженіи и вооруженіи*, какъ отдѣльнаго воина такъ и цѣлыхъ войсковыхъ частей. Ихъ также нужно имѣть въ виду при установленіи *способовъ боевыхъ дѣйствій при всякихъ случаяхъ* и при разной обстановкѣ.

Среди *личнаго состава* Арміи, составляющаго ея важнѣйшую часть, имѣющаго первенствующее значеніе и являющагося главнымъ орудіемъ войны, нужно выдѣлить тѣхъ лицъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ являются *руководителями войскъ*, начиная отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ войсковыхъ соединеній. Лица эти — *начальники всѣхъ степеней*.

Значеніе начальствующихъ лицъ громадно, такъ какъ они обучаютъ и воспитываютъ войска, направляютъ и слѣдятъ за ихъ боевой подготовкой въ широкомъ смыслѣ слова, а во время боевыхъ дѣйствій составляютъ ихъ планы и приводятъ ихъ въ исполненіе, пользуясь для этого подчиненными войсками, какъ средствомъ, какъ орудіемъ достиженія тѣхъ или иныхъ боевыхъ задачъ.

Чѣмъ многочисленнѣе войсковая масса, которая подчиняется начальнику, тѣмъ и значеніе его *больше*, ибо тѣмъ боевыя задачи, возлагаемыя на него *значительнѣе*, тѣмъ ихъ достиженіе или невыполненіе *сильнѣе* отражается на общемъ ходѣ войны и вліяетъ на конечный ея результатъ.

Съ другой стороны, чѣмъ *крупнѣе* съ этой точки зрѣнія начальникъ, чѣмъ по своему положенію онъ выше, тѣмъ выполненіе его специальныхъ обязанностей *труднѣе*. Эта трудность преодолевается только соответствующей всесторонней *подготовкой*.

Такими крупными начальниками должны почитаться всѣ, начиная съ тѣхъ, которые по основной организациіи еще мирнаго времени находятся во главѣ первыхъ войсковыхъ соединеній, имѣющихъ въ своемъ составѣ *нѣсколько родовъ войскъ*. Эти

войсковыя соединенія обычно обладают *значительной численностью и всеми средствами* для рѣшенія самостоятельныхъ боевыхъ задачъ на полѣ сраженія, то или иное выполнение которыхъ отражается на ходѣ и результатѣ всего сраженія.

Такихъ начальниковъ логично и справедливо называть *генералами*.

Въ зависимости отъ той роли, которая выпадаетъ на долю генерала, какъ въ мирное время, такъ и особенно во время войны, его спеціальная подготовка должна обнимать и *умственную и волевую* стороны.

Онъ долженъ обладать обширными и всесторонними, твердо усвоенными *знаніями военного дѣла*; онъ долженъ отлично *понимать военное искусство*, какъ въ его идейной, принципиальной части, такъ и технической; онъ долженъ *обладать широкимъ взглядомъ* (большимъ кругозоромъ) въ своей спеціальности и вообще быть въ полной мѣрѣ *просвѣщеннымъ* въ ней.

Все это даетъ ему *прочный базисъ для работы и увѣренность въ себя*. А еще Суворовъ говорилъ, что «на себя надежда — основаніе храбрости».

Генералъ долженъ имѣть *твердую волю и сильный характеръ*, и какъ производныя отъ этихъ данныхъ: *спокойствіе, хладнокровіе, присутствіе духа, способность не теряться* ни при какихъ обстоятельствахъ, *не суетиться и не суетить другихъ*.

Ему необходимо обладать *рѣшимостью* принять рѣшеніе и *рѣшительностью* его выполнить, довести его до конца; ему должна быть присуща широкая, но разумная въ предѣлахъ его компетенцій, *активная и пассивная инициатива*, т. е. онъ долженъ уметь *проявлять* инициативу самъ и въ тоже время — что, пожалуй, труднѣе — *давать право и возможность* проявлять ее своимъ подчиненнымъ.

Генералъ долженъ имѣть *гражданское мужество и не бояться* ни юридической, ни нравственной *ответственности*.

Возможность *большихъ потерь* не должна *останавливать* генерала въ *принятіи рѣшенія* важнаго для общаго дѣла и въ *приведеніи* этого рѣшенія въ *исполненіе* съ возможно *большей энергіей*, ибо онъ долженъ помнить, что его колебанія въ *принятіи рѣшенія* и его вялость въ *исполненіи* въ концѣ концовъ *потребуютъ* гораздо *больше усилій* и *приведутъ* къ *гораздо большимъ жертвамъ и потерямъ*.

Однако, во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ генералъ *долженъ стремиться* къ тому, что бы *достигать успѣха* «съ *легкимъ трудомъ* и *малою кровью*».

Генералъ долженъ *умѣть* въ минуту тяжелыхъ физическихъ и моральныхъ испытаній подчиненныхъ ему войскъ *горячимъ словомъ, сильною рѣчью*, наконецъ, *личнымъ примѣромъ* поднять ихъ духъ и возбудить въ нихъ энергію.

Наконецъ, генераль *обязанъ* *выказывать наибольшую заботу* о подчиненныхъ ему войскахъ во всѣхъ отношеніяхъ, однако, при полномъ отсутствіи *сентиментальности*.

Таковы требованія отъ генерала.

Онъ сможетъ выполнить ихъ, если на свою службу, на свои обязанности онъ будетъ смотрѣть, какъ на *великое служеніе Родины*, если онъ будетъ всецѣло *преданъ своему дѣлу*, если онъ будетъ относиться къ нему *съ любовью*.

Ему эти требованія выполнить будетъ *легче*, если онъ будетъ *воиномъ по призванію*, если онъ будетъ *даровитъ*, обладать *талантливостью*, если въ немъ будетъ заложена *способность къ творчеству*.

Какъ бы однако ни благопріятствовали выполненію этихъ требованій врожденные качества человѣка, но все же достигнуть наибольшаго совершенства въ этомъ отношеніи можно лишь при *надлежащей постановкѣ соответствующаго образованія и воспитанія* лицъ, готовящихся быть начальниками, начиная со школьной скамьи и затѣмъ въ продолженіе всей дальнѣйшей службы.

Для такой же постановки воспитанія и образованія необходима *благопріятная* для этого *военная система*, обеспечивающая *справедливое и постепенное*, въ зависимости отъ опыта, знанія и таланта, *возвышеніе* начальствующихъ лицъ, и создающая атмосферу, способствующую развитію въ каждомъ начальникѣ требуемыхъ отъ него качествъ.

Но и этого всего будетъ мало, если каждый начальникъ и генералы въ особенности, помня постоянное развитіе военнаго дѣла, не будутъ стремиться *путемъ самообразованія и самовоспитанія* къ возможно большому совершенствованію въ себѣ необходимыхъ имъ *качествъ*, что бы стоять всегда *на высотѣ* своего назначенія.

Начальники всѣхъ степеней, до самыхъ высшихъ включительно, должны всегда помнить, что *учиться не только никогда не поздно, но нужно всегда, непрерывно и усердно*.

Каковы бы ни были основы формированія арміи, будетъ ли она комплектоваться по принципу общеобязательной воинской повинности или состояться изъ профессионаловъ, служащихъ по найму, она во всякомъ случаѣ будетъ состоять въ подавляющемъ числѣ изъ лицъ *господствующей національности* даннаго государства. Это одинаково относится, какъ къ солдатской массѣ, такъ и къ начальникамъ всѣхъ степеней. И съ этой точки зрѣнія армія въ наше время не можетъ быть *ненаціональной*. А такъ какъ армія есть важнѣйшее средство военнаго искусства, то, такимъ образомъ, *національный элементъ*, несомнѣнно, долженъ играть въ немъ определенную роль, хотя бы чисто внѣшнюю, разумѣя подъ этимъ бытовую сторону и нѣкоторые жизненные и профессиональные навыки.

Но вліяніе національної стихіи на воєнне искусство не ограничується тільки этимъ. Оно болѣе *существенно и глубоко*.

Воєнне искусство, какъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, обнимающемъ собственно боевыя дѣйствія, такъ и въ болѣе широкомъ, включающемъ всѣ вопросы, связанныя съ военнымъ дѣломъ, подобно всякому другому искусству, есть *результатъ дѣятельности духовныхъ силъ челоуѣка*.

Характеръ этихъ силъ зависитъ въ значительной степени отъ *національных особенностей* даннаго народа, сложившихся подъ вліяніемъ условій: *географическихъ, этнографическихъ, биологическихъ и историческихъ*, при которыхъ данный народъ образовывался, развивался и долгое время существовалъ, а также отъ той *обстановки*, въ которой онъ живетъ въ настоящее время, и которая зависитъ: *отъ степени и характера культуры, силы и направленія просвѣщенія, политическаго устройства и т. д.*, обстановки, *отличной* отъ той, въ которой живутъ *другіе народы* и потому тоже долженствующей быть названной *національной*.

Такимъ образомъ, нужно признать, что воєнне искусство, какъ, впрочемъ, и всѣ другія, *національно*.

Каждое искусство достигаетъ *наивысшаго своего совершенства*, когда его источникъ — духовныя силы челоуѣка — проявляетъ себя *наиболѣе напряженно*. Такого наивысшаго напряженія духовныхъ силъ можно достигнуть тогда, когда они дѣйствуютъ *совершенно свободно, въ полномъ согласіи съ интеллектуальной и психической организаціей челоуѣка* и вообще въ условіяхъ *наиболѣе* для этого благоприятныхъ.

То и другое можетъ быть лишь тогда, когда проявленіе духовныхъ силъ происходитъ подъ вліяніемъ *національной стихіи*.

Если это относится вообще ко всѣмъ искусствамъ, то тѣмъ болѣе должно признать это въ отношеніи *воєннаго искусства*. Это потому, что работа въ области воєннаго искусства происходитъ при обстановкѣ, требующей *наибольшаго напряженія ума и воли* и прочихъ духовныхъ силъ челоуѣка.

Такимъ образомъ, что бы въ воєнномъ искусствѣ достигнуть *наибольшихъ результатовъ*, поставить его на *наибольшую высоту*, сдѣлать его *наболѣе совершеннымъ*, необходимо творить въ немъ, *не отрываясь отъ національной основы*, необходимо сохранять его *національный характеръ*.

Исторія вообще и наша отечественная въ частности наглядно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

У насъ воєнне искусство достигало наивысшаго состоянія въ эпоху Петра Великаго и въ вѣкъ Екатерины II, когда оба эти Государя во всемъ проводили *національную точку зрѣнія*, когда воєнне искусство было *вполнѣ національнымъ* и когда

у насъ появились великіе, проникнутые *національнымъ духомъ* полководцы — Петръ Великій .Румянцевъ и Суворовъ.

Утвержденіе, что военное искусство *національно*, и что развитіе его должно идти въ *національномъ духъ*, сохраняя его *національный характеръ*, не можетъ быть поколеблено тѣми двумя истинами, въ силу которыхъ военное искусство, гдѣ бы оно ни культивировалось и ни проявлялось, всегда опирается *на одни и тѣ же принципы*, вытекающіе изъ его природы и что одно изъ главнѣйшихъ средствъ военного искусства — *оружіе*, вслѣдствіе идейнаго и техническаго общенія между собою всѣхъ народовъ и государствъ, нынѣ въ различныхъ арміяхъ *почти одно и то же*.

Принципы военного искусства, очевидно, одинаковы для всѣхъ національностей. Но вслѣдствіе различнаго характера *мышленія* у разныхъ національностей и различнаго по силѣ и характеру проявленія однихъ и тѣхъ же *эмоцій*, эти *одинаковые принципы* воспринимаются *не совсѣмъ одинаково*, взаимно расцѣпниваются *иначе* и примѣняются *различно*. Одна національность примѣняетъ принципы *слишкомъ прямолинейно и узко*, другая обращается съ ними болѣе *гибко* и смотритъ на нихъ шире.

Точно также и *оружіе* въ своей сущности въ современныхъ арміяхъ *одно и то же*, но во 1-хъ, *достиженія* въ его совершенствѣ у разныхъ государствъ *различны*, во 2-хъ, въ виду различія въ *національной обстановкѣ* оно должно быть *приспособлено* къ ней и въ 3-хъ *пріемы и способы использованія* даже совершенно такого же оружія въ зависимости отъ свойствъ ума и психики владѣющихъ оружіемъ, а также условій, въ которыхъ имъ пользуются, могутъ быть *различны* въ той или иной обстановкѣ.

Такимъ образомъ, лишь не пренебрегая *національными особенностями* въ военномъ искусствѣ можно достигнуть наилучшаго использованія и *одинаковыхъ принциповъ* и *одинакового* по существу оружія.

Сохраненіе *національныхъ особенностей* въ военномъ искусствѣ также не можетъ повредить ему и въ томъ случаѣ, если бы у другихъ появились въ этой области и *новыя идеи* и *новыя техническія достиженія*.

Ибо *новыя идеи* въ настоящее время могутъ относиться только къ *иному пониманію* и *толкованію* принциповъ и къ новому поэтому ихъ *примѣненію*, а также къ *созданію* новыхъ или къ *усовершенствованію* старыхъ техническихъ средствъ. Что касается *новыхъ техническихъ достиженій*, то результатомъ ихъ можетъ быть или оружіе совершенно *новаго типа* или усовершенствованіе въ оружіи *стараго типа*, а также *новыя способы* его использованія и *примѣненія*.

Естественно, что проходитъ мимо того и другого не представляется возможнымъ.

Во 1-хъ. мы должны хорошо знать своихъ *вѣроятныхъ противниковъ*, дабы создать соотвѣтствующія средства и способы борьбы съ ними, а также своихъ *возможныхъ союзниковъ* для того, чтобы быть освѣдомленными, на что мы можемъ у нихъ рассчитывать, а во 2-хъ то и другое въ той или иной мѣрѣ можетъ быть *использовано и нами*.

Однако, ни въ идеяхъ, ни въ техническихъ достиженіяхъ не будетъ полезно *заимствовать* все *безоговорочно и цѣликомъ*, потому что какъ бы они ни были совершенны и даже, такъ сказать, интернаціональны, все же при переносѣ ихъ на почву *другой національности* они не въ состояніи будутъ *дать того эффекта*, который они производятъ на родной почвѣ, на той почвѣ, на которой они возникли.

Заимствуя что-либо изъ области военнаго искусства, какъ въ его идейной, такъ и технической частяхъ, необходимо заимствованное *приспособить къ національной обстановкѣ, переработать въ національномъ духѣ, придать ему національный характеръ, пронизать его національными особенностями, согласовать съ національными условіями*. Только при такихъ условіяхъ заимствованное дастъ при его использованіи желаемый результатъ. Въ противномъ случаѣ оно *не привѣтся, не войдетъ въ плоть и кровь, останется чуждымъ* и, даже при наибольшихъ усиліяхъ извлечь изъ него хотя какую-нибудь пользу, *не дастъ желаемыхъ результатовъ*.

При всемъ томъ должно помнить, что дарованія *нашего народа*, сила его умственныхъ способностей, его большія творческія возможности, его всесторонняя талантливость его высокія качества, вообще вся его высокая духовная организація, его историческій опытъ, его обширная многовѣковая и многообразная практика въ военномъ дѣлѣ не должна допускать мысли, что мы русскіе въ самостоятельномъ развитіи военнаго искусства во всѣхъ его областяхъ можемъ *оказаться позади* другихъ національностей, можемъ *проявить меньше творчества*. Чѣмъ они. и, такимъ образомъ, можемъ быть поставлены въ необходимость только *заимствовать у другихъ, слѣпо подражать* этимъ другимъ и тѣмъ самымъ *отказываться отъ своей самобытности*.

Дѣйствія Петра Великаго въ этомъ отношеніи могутъ служить намъ поучительнымъ примѣромъ.

Поставленный въ необходимость весьма много заимствовать въ области военнаго искусства у иностранцевъ, Петръ все заимствованное переработалъ въ горнилѣ націонализма, и потому въ результатѣ проявилъ такое самостоятельное и самобытное творчество, проникнутое національнымъ духомъ и соотвѣтствующее національнымъ особенностямъ русскаго народа, что въ военномъ искусствѣ опередилъ свое время болѣе, чѣмъ на столѣть, давъ возможность появиться у насъ такимъ великимъ полководцамъ, какъ Румянцевъ и Суворовъ.

Итакъ: 1) *знаніе и уваженіе* въ смыслѣ слѣдованія, *примѣненія принциповъ*, 2) *преимущественное значеніе качества* передъ *количествомъ*, 3) *важность духовной стороны* по сравненію съ *матеріальной*, 4) *первенствующее значеніе человека*, а не *машинъ*, 5) *превосходная всесторонняя подготовка начальниковъ* и 6) *необходимость слѣдованія національнымъ путемъ* — таковы тѣ *первичныя основныя положенія*, при наличіи которыхъ только и можетъ естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство.

А разъ это такъ, то эти же положенія, какъ *первично-основныя*, должны быть приняты, какъ *безусловно обязательныя* при строительствѣ будущей русской арміи, дабы она была во всеоружіи для той борьбы, которую ей *придется несомнѣнно вести* за существованіе, честь, достоинство и лучшее будущее Великой Национальной Россіи.

А. Баювъ.

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ СУДѢ по судебнымъ уставамъ Императора Александра II.

Творцы судебныхъ уставовъ насадили у насъ иностранныя судебныя порядки, въ которые внесли, однако, отдѣльныя, вызванныя особенностями нашихъ условій, измѣненія. Русский судъ — наиболѣе чужеземное по своимъ формамъ изъ нашихъ государственныхъ учреждений. А между тѣмъ, именно въ русскомъ судѣ русский духъ напелъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе.

Объясненіе этого парадокса — въ самой природѣ правосудія. Судъ — не только техническій аппаратъ, приспособленный къ разрѣшенію споровъ определенной категоріи между сторонами. На всемъ протяженіи человѣческой исторіи онъ былъ и остается по сей день *главной цитаделью права*. Больше того. Населеніе еще не отвыкло искать у него того высшаго блага, которое онъ именуетъ «правдой». Разсудить дѣло «по справедливости», по-божески — въ этомъ, съ точки зрѣнія народнаго міросозерцанія, основное заданіе суда. Выкованная римскимъ гениемъ формула: «*res iudicata pro veritate habetur*»¹⁾ еще не сдана въ архивъ исторіи. Судъ по сей день еще несетъ сверхчеловѣческую функцію провозглашенія истины. Отсюда — мистическій характеръ правосудія, его связь съ религіей. Связь эту безсильно было окончателно порвать и отдѣленіе государства отъ церкви. И въ обмірщенныхъ государствахъ судебныя дѣйствія продолжаютъ сопровождаться особымъ тор-

¹⁾ «Рѣшеніе суда считается истиной».